

**АЛЕКСАНДР
МАТЮХИН**

ЧИНИТЕЛИ

ИСТОРИЯ ПРО ДВУХ БРАТЬЕВ,
ПОПАВШИХ НА ИЗНАНКУ

Александр Матюхин
Чинители
Серия «Чинители»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70118677

Чинители: Эксмо; М.; 2024

ISBN 978-5-04-197538-8

Аннотация

Двое братьев вместе со своими самыми необычными на свете бабушкой и дедушкой отправляются на Изнанку Петербурга, чтобы спасти маму. Оказывается, что бабушка и дедушка присматривают за Изнанкой, миром, где существуют фантастические существа, например Великан, Большая Золотая Рыба, Чинители швов, соединяющих наш мир и изнаночный.

Содержание

Глава первая, в которой мне нужно выучить стих, но всё развивается слишком стремительно	7
Глава вторая, в которой мы задаём много вопросов и получаем не очень много ответов	23
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Александр
Александрович Матюхин
Чинители**

© Матюхин А., 2023

© Elena Iargina / Shutterstock.com

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 4

В которой
я должен выучить стих,

Но всё развивается
слишком стремительно

Глава первая, в которой мне нужно выучить стих, но всё развивается слишком стремительно

Бабушка и дедушка появлялись в нашей квартире редко и – это совершенно точно! – были очень странными людьми.

Поймите правильно. Мне двенадцать, я умею отличать странных родственников от обыкновенных. Как выглядят обыкновенные? Бабушки одеты в халаты, мило улыбаются, у них морщинки, платочки, от них пахнет пирожками. Дедушки молчаливы, с седыми волосами, читают газету или разглагольствуют кроссворды. А, и ещё они частенько заглядывают в гости или живут где-нибудь в домах за городом, куда можно приезжать на выходных.

Теперь посмотрите на наших.

Во-первых, бабушка и дедушка жили непонятно где. Вроде бы в центре Петербурга, но никогда не говорили конкретно. На Фонтанке? У Садовой? Может быть, возле Петроградки? Неизвестно. Ни я, ни мой младший брат Макс никогда не были у них в гостях. А сами бабушка и дедушка если и заглядывали к нам, то порознь. Например, бабушка иногда пила чай на кухне, или дедушка – едва переступит порог, потреплет папу по плечу, да тут же уходит, будто ему не хватает на нас времени.

Во-вторых, внешним видом они сильно походили на грибы-поганки, тянущиеся к бледному свету лампы. Были очень худые и высокие, с одинаково острыми носами и бледным цветом кожи. Одеты во что-то длинное, бесформенное, тёмного цвета. Станный стиль, поверьте. Встреть я их на улице, решил бы, что это актёры одного спектакля, забывшие переодеться.

В-третьих, от бабушки пахло не пирожками, а водорослями. От дедушки тоже запах был так себе... будто он искупался в реке и вот пришёл к нам домой, развалился в папином кресле, вытянув тощие ноги в клетчатых носках, чтобы, значит, высохнуть. Мама объясняла, что это у них работа такая, связанная с очистными сооружениями рек и каналов, но я не очень-то верил. Скорее, бабушка и дедушка не заботились о себе как должно.

В-четвёртых, как я уже и говорил, оба они появлялись у нас так редко, что иногда я вообще забывал об их существовании. Не то чтобы я собирался помнить – кто в двенадцать лет постоянно думает о родственниках? – но, когда они время от времени оказывались в квартире, искренне удивлялся. То есть вроде бы они есть, но на самом деле их как бы и нет, понимаете?

Должно было произойти что-то из ряда вон выходящее, чтобы родители оставили нас под присмотром этих двух чрезвычайно странных родственников.

Например, цепочка событий, случившихся на этой неде-

ле. Сначала мама попала в аварию. Её отвезли в больницу и положили под капельницы. Она то приходила в себя, то вроде бы засыпала. Нас, детей, к ней даже не пускали, но мы через папу передали ей книги и домашние тапочки.

Потом папа, оставшийся один на один с нами, не смог перенести срочную встречу на другом конце города. Наша няня, тётя Алла, приболела и уехала куда-то в Подмоскowie, то есть очень далеко от Петербурга. В результате бабушка и дедушка появились на пороге квартиры в пятницу вечером, безо всякого предупреждения и, что интересно, сразу вдвоём.

Незадолго до этого папа начал совсем уж нервничать, куда-то звонить, громко спрашивать в телефон: «Может, всё-таки перенесём?» и ещё: «Почему именно на выходные?» и ещё: «Ну на кого я оставляю детей?» Потом всплеснул руками и угрюмо сидел на кухне, попивая кофе. Потом снова куда-то звонил. И потом на пороге появились бабушка и дедушка. А ещё-ещё потом папа быстро собрался и сказал перед уходом:

– Парни, ведите себя, как взрослые. Не подведите меня.

Добавил, подумав:

– Костя, помнишь, тебе надо выучить стих? Займись. Макс, убери перед сном свою железную дорогу. И вообще, не заставляйте на вас ругаться.

Обычно так говорила мама, но сейчас она не могла разговаривать.

Ах да. О странностях.

Едва входная дверь закрылась, бабушка прошла в гостиную и стала внимательно осматривать содержимое полок, шкафчиков и антресолей. Она выдвигала полки, перебирала содержимое, задвигала обратно.

Дедушка же нацепил на нос очки, достал из одежды колодок бумаги, развернул его и принялся разглядывать. На свету было видно, что на бумаге нарисована как будто городская карта. Всякие там здания, дороги, реки и зелёные зоны.

– Что это с бабушкой? – спросил Макс.

– Бабушке нужны разные штуковины, – ответил дедушка.

– Для чего?

Дедушка поднял взгляд из-за бумаги, поблескивающей от грязи и жира.

– Во-первых, у нас собрание через несколько часов. Нужно что-то принести, вроде даров. А во-вторых, будут поиски, – ответил он. Губы у дедушки были тонкие и водянистые. – Никто не ходит на поиски, не подготовившись, дети. Это азы.

– Вы оставите нас одних? – не унимался Макс. Вообще-то я знал, что он только и ждёт, когда взрослых не будет в квартире, чтобы выстроить свою гигантскую железную дорогу из детской комнаты до кухни. Макс был помешан на поездах. Второй год он писал Деду Морозу незамысловатое желание: «Хочу железную дорогу марки «Spinster&Groul». Но дорога эта стоила таких денег, что родители не соглашались ни за

какие хорошие поступки и пятёрки.

– Вовсе нет, – тем временем невозмутимо ответил дедушка. – Вы отправитесь с нами. Будем искать большую золотую рыбу. Ну, знаете, важное желание, все дела.

– Не нужно пугать их раньше времени, – сказала бабушка. Она как раз выудила из тумбочки под телевизором две пластмассовые баночки с «лизунами». Они липли ко всему подряд, светились в темноте и были запрещены родителями после одного случая с испорченной мебелью и папиной любимой картиной. – Не бойтесь, мои хорошие. На собрании вас никто не съест, там все добрые. А золотая рыба наша старая знакомая.

– Кто же их пугает? Предупреждён – значит вооружён! – проворчал дедушка. – В моё время дети всегда были насто-роже.

– Наше время здесь давно прошло. – Бабушка убрала баночки с «лизунами» в карман то ли куртки, то ли пальто. Что примечательно, ни бабушка, ни дедушка не удосужились раздеться или разуться. Это тоже было странно. Как минимум некультурно.

– Какая-то чепуха, – заявил Макс и тут же утратил к происходящему интерес.

Я, впрочем, тоже не собирался развивать разговор. Нужно было зазубрить стих о Петербурге. Что-то про пули, осечки и какой-то овощ. А потом я хотел собрать команду одноклассников в сетевой игре и вдоволь настреляться. Обычно мама

разрешала играть не больше часа в день, но сейчас вряд ли бы кто-нибудь запретил.

Тем более, подумал я, мама даже не узнает.

Папа говорил, что с ней всё хорошо, врачи справились, и как только мама придёт в себя окончательно, нас сразу же пустят в палату. Но пока её нет рядом, запреты не действуют, верно?

Однако же не успел я выйти из гостиной, а бабушка снова выглянул из-за клочка бумаги и спросил негромко:

– Кстати, дети, у вас есть дома зонты?

– Это же Петербург, тут у всех зонты, – ответил я.

– Хорошо. Замечательно. Найди их, будь молодцом. Мне нужны два. Или даже четыре.

– Четыре зонта? – уточнил я.

– Именно. Дорога дождливая, а ещё придётся падать раз, наверное, сто. А кто падает без зонтов? Это непрактично.

Если раньше странным мне казался только вид родственников (ну и запах), то сейчас странным было вообще всё.

– Будь другом, – буркнул бабушка и вернулся к изучению листа бумаги.

Бабушка, разворошившая уже все полки в тумбочке под телевизором и в подвесных шкафчиках, стояла сейчас у балкона и разглядывала новенькую пачку дождевиков. Откуда они взялись, я не знал, но у мамы часто что-то лежало про запас. Нарукавники, запасные колёсики для самокатов, набор ножей, пустые фотоальбомы, наборы перчаток, лыжные

палки, надувной бассейн, которым никто никогда не пользовался, формочки для мороженого, яйцерезка и вот несколько дождевиков.

– Стих Пастернака? – спросила бабушка, не оборачиваясь. – Это легко. Как в пулю сажают вторую пулю или бьют на пари по свечке...

Она продолжала монотонно зачитывать стих, который нужно было выучить, и теперь мне расхотелось вообще за него браться. Я пошёл искать зонты.

В шкафу в прихожей их не было. В гардеробе тоже не было. Я обогнул бабушку (...он тучами был, как делами, завален...) и заглянул на балкон. Зонтов не нашёл, зато нашёл ножницы, за которыми давно охотился. Они нужны мне были, чтобы вырезать из картона маски, но как назло не находились уже две недели. А теперь вот убрал их в карман и отправился на кухню. Почему-то я был уверен, что на кухне зонты точно будут.

Поиски начинали меня злить. Нельзя было стоять между мной и сетевой игрой. В телефоне уныло переписывались одноклассники, ожидая, когда я присоединюсь.

На кухне, к слову, уже бродил дедушка. Ключок бумаги он куда-то дел, зато заглядывал во все полки, будто, как и бабушка, что-то искал. В тонких пальцах крутилась монетка.

– За холодильником обнаружил. Десять рублей, между прочим, – сообщил он угрюмо. – Хороший знак. Чем больше монеток, тем лучше.

– Для чего? – спросил я, заглядывая в пенал у батареи, где мама хранила разную чепуху. Зонты стояли там, на тонких ручках, в чехлах. Четыре штуки.

– Деньги нужны, чтобы оплачивать услуги. Логично же. Например, чтобы вернуться в то место, где вы их оставили. Или чтобы исполнить желание. Вот у тебя какое желание есть? Самое-самое.

Я пожал плечами.

– Не знаю. Наверное, чтобы родители купили нормальный компьютер и я смог бы играть и развиваться в киберспорте. Это сейчас круто, можно много заработать.

– Похвально. В смысле, что есть желание. Современные дети не очень любят мечтать.

Дедушка подмигнул. Тут я разглядел, что кожа у него не просто сероватая, а с бледно-зелёным отливом. Между морщинок на щеках и лбу торчали крохотные кусочки то ли мха, то ли пушистых влажных водорослей. Это было не только странно, но и страшновато. Передо мной на кухне как будто стоял утопленник.

Я моргнул, и видение прошло. Виной всему был сочный вечерний свет, проникающий в кухню сквозь окна. На улице наступала осень, и закат тоже был осенний, резко удлинняющий тени и лепивший из предметов разную чертовщину.

– Зонты есть, монетки есть, старуха в полном порядке, – между тем сообщил дедушка. – Дети, мы сейчас вам всё расскажем. Понять будет сложно, но если вы будете слушать

внимательно, то что-нибудь поймёте.

– А потом, когда дослушаете, мы отправимся в путешествие. Без жалоб, – сказала бабушка. Как оказалось, она стояла на пороге кухни. – Не пугайтесь. Не удивляйтесь. Не задавайте много глупых вопросов. А вот умные можно. Если всё пройдёт хорошо, к полуночи вернёмся обратно. Что ещё? Ах да, мама просила передать, что любит вас.

Интересно, они в самом деле были нашими бабушкой и дедушкой или вокруг происходило нечто такое, чего я не мог понять?

И когда это мама что-то просила передать, если она в больнице?

– Я начну с перемещения, – произнёс дедушка, вертя монетку между пальцев, как фокусник. – Тут много ума не надо. Просто выворачиваешь этот город наизнанку...

В этот момент из-за спины бабушки выглянул Макс. В его кулачке был зажат рыболовный крючок. Массивный, толстой с мой палец.

– Смотрите, что у меня есть! – просиял Макс.

Родители не увлекались рыбалкой, а даже если бы увлекались, то подобные штуки точно прятали бы подальше от любопытного сына.

– Где ты это взял? – спросила бабушка, осторожно дотрагиваясь кончиком пальца до крючка.

– Кто тебе это дал? – спросил дедушка, не менее осторожно ощупывая взглядом коридор и кухню.

– Дядя дал, – ответил Макс. – Я думал, он с вами пришёл. Там, в гостиной. Великан.

Вот тут я и испугался. Знаете, иногда бывает, что страх приходит в самый неожиданный момент. Вроде, ну что может быть страшного: солнечный осенний вечер, квартира, бабушка и дедушка под боком, по телевизору мультики, а в комнате ждёт ноутбук с игрушками. И вдруг пара фраз младшего брата вызывают чувство холода в затылке, волосы на голове шевелятся, а в груди появляется ощущение, будто острые коготки царапают изнутри.

Дедушка излишне суетливо втащил Макса в кухню и поставил за своей спиной. Я тоже сделал пару шагов назад, для осторожности.

– Стойте здесь, – велела бабушка. – Мы разведем.

Впрочем, разведывать ничего не пришлось. Из гостиной в коридор вышел упомянутый великан.

Это действительно был очень высокий человек. Высокий, но плотный, с большими руками и круглой головой. Ему пришлось склонить голову на левый бок, чтобы не задевать затылком потолок. Одет великан был в резиновые сапоги, брезентовые штаны с лямками на плечах, в тёмную рубашку песочного цвета, рукава которой были закатаны до локтей, а в правой руке держал рыболовную сеть.

Откуда такой взялся в нашей квартире?

– Вы дверь не заперли, – сообщил великан. Голос у него был грубый, булькающий, будто в горле скопилась вода и не

давала звукам выходить просто так. – Глупые люди, как и всегда. Чего ещё от вас ждать?

Большие белые глаза с зелёными зрачками двигались будто бы бесцельно, но потом вперились в меня. От этого взгляда мне стало ещё больше не по себе. Я не из пугливых, но за последние десять минут стал бояться, кажется, всего на свете.

– Чего ждём? – спросил великан вкрадчиво. – Где мой маршрут? Верните по-хорошему.

Я понял, что речь идёт о том клочке бумаги. О карте города.

А дальше произошло вот что: дедушка проворно выхватил у меня из рук зонт, выставил его перед собой и распахнул. Зонт щёлкнул, с острого кончика сорвалась и блеснула короткая извилистая молния. Она ударила великану аккурат в переносицу. Великан же, отшатнувшись, выронил сеть, ударился плечом о стену, зацепил затылком лампу и, потеряв равновесие, стал заваливаться назад.

– Ну теперь нужно быстро и без объяснений... Бежим! – Бабушка сгребла меня и Макса обеими руками и поволокла почему-то в туалет.

Сухо треснула туалетная дверь, слетевшая с петель. Дедушка протиснулся мимо нас к шкафчику, висевшему над унитазом, ухватился за него обеими руками и вдруг с лёгкостью, которая ему совершенно не шла, вырвал с корнем и швырнул в коридор. Шкафчик обо что-то глухо ударился, последовал вскрик, а потом ужасная и неуместная в этой истории брань.

Великан таки упал – громко и шумно, ломая обувницу и срывая вешалку.

Максу нравилось, он испустил восторженный вопль. А вот мне было не до восторгов, я представил, что скажет папа, когда вернётся и обнаружит погром. Впрочем, мои тревожные мысли тоже быстро рассеялись, уступив место ещё большему удивлению.

На месте шкафчика над унитазом зияла дыра. Дыра эта была неровная, большая и потусторонняя. Из её глубин выплыли клочья тумана и стали расползаться по кафельному полу. Дыхнуло водорослями, влагой, мхом – точь-в-точь так же пахли бабушка и дедушка. Где-то внизу сверкнули молнии.

– Нам туда надо залезть? – восхищённо спросил Макс.

Я сделал шаг назад – подходить к дыре не хотелось, – но

тут мне в руки всучили зонт и с силой толкнули вперёд. Ноги соскользнули с кафеля.

– Потом объясню, дети, – буркнул за спиной дедушка.

Ну я и полетел в дыру, наполненную туманом, головой вперёд, будто нырнул в неизвестность.

Зонт щёлкнул, распахиваясь. Вроде бы никаких молний он больше не запустил, но зато потянул меня за собой, закружил и отправил куда-то глубоко.

Очень глубоко.

Глава 2

В которой мы
задаём много
вопросов

и получаем
не очень много
ответов

Глава вторая, в которой мы задаём много вопросов и получаем не очень много ответов

Итак, прошло всего полчаса с того момента, как папа вышел за порог квартиры, а я, вместо того чтобы учить стих и играть на ноутбуке, падал куда-то, крепко вцепившись в деревянную рукоять зонта, и вопил от страха. Никогда не думал, что умею так пронзительно и профессионально вопить.

Где-то неподалёку вопил ещё и Макс (подозреваю, что от восторга), но мне не было его видно сквозь плотный туман и морось, облепившую лицо. Мы летели, летели и летели, как Алиса, но точно не в кроличью нору. Прежде всего потому, что скорость нарастала, воздух становился холоднее, а за шиворот то и дело попадали капли дождя. В какой-то момент мир закружился с такой силой, будто меня выкручивало наизнанку.

Как-то папа возил меня в парк кататься на каруселях. Мне было года четыре, я не понимал, куда иду, и очень радовался предстоящему событию. Разноцветные машинки, ракеты, солнышки и цветочки казались вместилищем непередаваемого удовольствия. Я смело забрался в синюю кабинку. Меня пристегнули, пожелали счастливого пути и отправили в полёт. Спустя где-то два оборота я понял, что крутиться со-

всем не весело, что в животе начинает болеть, голова вдруг стала тяжёлой, а в горле застрял скользкий и горький ком. Вращение убыстрялось, лица родителей мелькали с бешеной частотой, мне становилось хуже, горше, противнее. Не удержавшись, я разревелся и заколотил руками по кабинке. Мир мелькал и переливался. Голова раскалывалась. Кажется, я крутился так долго, что успел повзрослеть и состариться. Потом ракета стала замедляться и вскоре остановилась. Она-то не кружилась больше, но зато кружился мир и кружился я. Помню папины руки, схватившие и оттащившие меня в кусты, где мне и стало непередаваемо дурно.

Сейчас же кружение закончилось так же быстро, как и началось. Под ногами раскинулся город. Какая-то старая его часть, где любили прогуливаться мои родители. Жёлтые трёхэтажные домики наседали друг на друга ржавыми крышами, окошки светились где-то оранжевым, где-то красным или даже зелёным, а овальные арки удивлённо распахнули рты. Солнца не было, а небо от края до края затянула плотная осенняя пелена.

Подо мной вилась река или канал, каких в городе было видимо-невидимо. Холодный ветер швырнул в лицо очередную порцию дождя. Влажные волосы мигом прилипли ко лбу. Крик застыл где-то в груди.

Это был не мой город – солнечный и по-осеннему прохладный, – а другой, промозглый, дождливый, будто нарисованный художником специально, на потеху туристам. Из-

лишне серый, чересчур тусклый, слишком ненастоящий.

Метрах в трёх планировал Макс, вцепившись в ручку зон-та обеими руками.

– Чудеса какие-то! – крикнул он. – Я подозревал! Я вот прям так и думал!

Земля приближалась, выросли чугунные ограды и мостовые. Тротуары и дороги были непривычно пусты. Я не увидел ни одной машины, ни единого пешехода. Только листья кружились по асфальту и застревали среди камней старых мостовых.

Зато серое небо было полно птиц. Их было много, и выглядели они странно. Не голуби, не вороны. Какого-то коричневого, болотного цвета. Птицы чертили в небе разные узоры.

Ветер направил нас к спуску с набережной, и я быстро нащупал ногами влажные ступени лестницы. Макс приземлился рядом, опустил зонт и тут же сказал:

– Мама будет ругаться, что мы босиком и под дождём.

– То есть больше тебя ничего не смущает?

– Я бы ещё штаны прихватил, – сказал Макс, подумав.

Одет он был в пижамные шорты и футболку. Я, впрочем, не сильно от него отстал. Оба мы при этом были босиком. Хорошо хоть не в трусах...

Резкий порыв ветра выхватил у меня из рук зонт и швырнул в реку. Зонт, кувыркаясь, пролетел несколько метров, упал рукоятью вверх и запрыгал на волнах, будто заправский

сёрфер. Макс тут же сложил свой зонт и крепко прижал его свободной рукой к груди.

– И что теперь делать? – спросил он, оглядываясь.

Я ответил:

– Плохо, что телефон остался дома. Придётся как-то действовать своим умом... Давай для начала поищем дорогу домой. Потом позвоним родителям, пусть приезжают быстрее. Бабушка и дедушка не очень-то справились. Тебе не холодно?

– Нет, – ответил Макс. Лицо его было густо покрыто каплями дождя, волосы налипли на лоб, но он и правда не казался замерзающим.

– Мне тоже, – сказал я.

Ещё одна странность в череде странностей. Осенний вечер смешал в коктейль дождь, ветер, низкую температуру и серое небо без солнца. Так почему мы не мёрзнем?

Я задрал голову, разглядывая беспокойных птиц.

– Предвестники, – раздался знакомый голос. – Их называют болотными голубями.

Я обернулся. За спиной стоял дедушка. Что удивительно, он больше не был зеленоватым и от него не пахло водорослями. Обычный, как положено. Рядом с ним стояла обычная бабушка, розовощёкая, с седыми кудряшками, намокшими под дождём. Такими они, наверное, и должны быть. Дедушка продолжил, шурясь разглядывая птиц:

– Сейчас они ещё высоко. Видите? Готовятся. Это танцы

болотных голубей, они значат, что где-то в городе разорвался шов, а никто не торопится его зашить. Нехорошо.

– Мы не хотели так торопливо, – затараторила бабушка. – Ох, Рыбак не вовремя. Интересно, как он вообще нас нашёл? Наверное, по запаху. Говорила, что нужно сменить вещи. По запаху всегда находят. Старый, ты вот когда вообще свою одежду менял в последний раз? Гигиена! Двести лет твержу одно и то же. А ты? Как ребёнок, честное слово.

– Великан. Крючок. Дырка в туалете. Зонт. Странные голуби. – Я придвинулся ближе к Максу. Мы стояли на две ступеньки ниже, и от этого бабушка и дедушка казались ещё выше, ещё хуже. – Вы точно наши родственники?

– Ещё какие, – фыркнул дедушка. – Вы даже не представляете, дети. Бросили все дела и примчались. А всё потому, что у вас несчастье.

– Дело в маме? – спросил я. – Вы будете за нами приглядывать, пока она не выздоровеет?

– Можно сказать и так. Пойдёмте.

Дедушка с несвойственной старикам ловкостью проскакал мимо нас вниз, перепрыгивая через две ступеньки разом, и оказался на широком выступе из камня. Таких выступов в городе было полно в центре, на каждом канале и на реке. Где-то они были совсем широкие – на них в старину спускали лошадей с телегами, чтобы удобнее было набирать воду, где-то узкие, декоративные.

Мы спустились следом. Тёмные здания и улица скрылись

за каменными стенами. Тут, у воды, особенно сильно был слышен шум ветра и тяжёлые всплески волн, пытающихся подобраться к нашим ногам. К босым ногам, на минуточку. Запах стоял тягучий и специфичный, будто специально забирающийся в ноздри. Было в этом запахе что-то узнаваемое.

В тонких крючковатых пальцах дедушки поблёскивала монетка – та самая найденная им десятирублёвка. Дедушка замахнулся и швырнул её в реку, попытавшись сделать «лягушку». Монетка действительно подпрыгнула на волнах пять раз и только после этого пошла ко дну.

– Как бы вам всё рассказать... – начала бабушка. – Надеюсь, в ваши маленькие головы уместится. Иначе не знаю, выдержат ли мозги. Может быть, взорвутся.

Она то ли закашлялась, то ли рассмеялась.

– Что произошло в квартире? – спросил я, идя на опережение. – Что это за великан?

– У него сеть и крючки! – вторил Макс. – Сначала он был добрый, спросил, где наши мама и папа, потом явно стал злой. Как в сказках.

– По порядку, дети, – сказала бабушка мягко. – Один вопрос – один ответ. Давайте так. Великан – это рыбак. Человек, увлекающийся рыбной ловлей. Он готовится много лет, рисует маршрут, а потом отправляется на рыбалку.

– И хочет поймать большую золотую рыбу?

– Верно. Она одна такая осталась. Читали сказку о золотой рыбке? Пушкин написал. Он её не из головы выдумал, а

видел лично. Это рыбка из другой сказки. А та сказка тоже была взята из другой сказки, а оттуда взялась из мифов и легенд. Ну а что такое легенды и мифы? Правильно, это старое волшебство, которое давным-давно утратило свою силу.

Бабушка замолчала, улыбаясь так, что на щеках проступили ямочки. Я переваривал услышанное. Знаете, иногда хочется во что-то верить, но не сразу получается. Хотя бывает и наоборот.

– Вас что-то смущает, дети? – спросил дедушка. – У вас сомнения?

– Волшебство, – сказал я. – Это и смущает. То есть не поймите неправильно, я тут недавно прыгнул в дыру в туалете, но всё же...

– Когда-то давно люди жили бок о бок с мамонтами. А до этого с драконами. А ещё раньше с единорогами. А ещё-ещё раньше – с волшебными существами вроде золотой рыбки, чудо-юдо, рыбой-китом, птицей феникс и такими маленькими существами с очень острыми зубками. Их нельзя было кормить после полуночи и поливать водой... Так вот, знаете, что их всех объединяет?

– То, что они выдуманные? – спросил Макс.

– Вы не умеете себя вести, дети, – нахмурился дедушка. – Родители не учили вас манерам? Даже если вы думаете, что собеседник врёт, надо хотя бы немного сомневаться. В конце концов, в годы моей молодости люди думали, что Солнце вращается вокруг Земли.

– А оборотни, вампиры, кентавры и уж тем более русалки – не выдуманные. Просто вымершие большей частью. Кого-то истребили люди, кто-то не справился с конкуренцией... Разное бывает. А наша золотая рыба вот выжила. Как я и говорю, Александр Сергеевич её лично видел и консультировался по разным там нюансам.

– Вы в самом деле верите в это? – уточнил я.

Дедушка пожал плечами.

– Почему бы нам не верить? – сказал он. – Я видел рыбу несколько раз. Вытаскивал неводом, разговаривал. Конечно, сейчас она старовата. Двести с хвостиком лет прошло. Не такая болтливая, злится иногда по пустякам, не хочет слушать... как взмахнёт хвостом, так Нева волноваться начинает. Но всё равно хорошая. Привязался я к ней. К тому же у неё должок. Поэтому Рыбак никак не должен поймать. Никак не должен.

– А вы будто старик со старухой, – ухмыльнулся Макс. Сказку о золотой рыбке он учил наизусть.

– Как будто, – ответила бабушка. – На самом деле это не мы. Там всё сложно.

Волны набросились на камни с новой силой, и холодные брызги зазвенели в воздухе, рассыпаясь у ног. Хотя звон не прекратился, сделался сильнее. Я увидел, как зашевелилась тень у ступеней. Она отделилась от камней и двинулась в нашу сторону.

Тень оказалась женщиной. Она шла неторопливо, сгор-

бившись. Каждое её движение сопровождалось многочисленным лёгким звоном. Что-то у неё было с лицом... На подбородке, под носом и на висках налип зеленоватый мох. Форма была какая-то... неправильная. Будто из мостовой вытащили один из камней, выдолбили в нём нос, глаза, брови, скулы, губы и вставили под капюшон.

Женщина прихрамывала, опиралась на длинную кривую ветку, покрытую клочьями водорослей. Непонятно было, сколько женщине лет – тридцать, сорок, а может, все сто. Старше моей мамы точно.

Одета женщина был удивительно: напялила на себя мешок и перевязала его на поясе верёвкой. А мешок весь был покрыт монетками. То есть настоящими деньгами. Я разглядел десяти-, двух- и пятирублёвые, а ещё копеечные и десятикопеечные, юбилейные, подарочные, совсем не рублёвые, а иностранные. Именно монетки издавали звон от каждого шага удивительной женщины. Они же поблёскивали в редких лучах заката, разбрасывая вокруг бесноватых солнечных зайчиков. Карманы, грубо пришитые к мешку-одежде, были тоже забиты монетками. А когда женщина подошла ближе, я разглядел, что вместо глаз у неё тоже монетки, аккуратно вставленные в глазницы. Они почти стёрлись, но всё равно можно было увидеть профиль какого-то царя или императора. Жуткое зрелище.

– Я ждал тебя, Дана. Слышишь звон и знаешь, где он! – буркнул дедушка.

– Хорошо выглядишь! – воскликнула бабушка.

– Ходят слухи, вы приманили Рыбака, – произнесла женщина по имени Дана звенящим, как монетки, голосом. Она хмурилась. – Как можно быть такими неосторожными? Ну-ка, малыш, дай крючок.

Длинная рука выскользнула из мешка-одежды и потянулась к Макс. Ладонь у женщины была костлявая, кожа тёмная и грубая, будто покрытая слоем песка или глины.

– Он мой, – ответил Макс, пряча крючок за спину. – Мне его подарили.

– Я не собираюсь отбирать, малыш. Мне нужно посмотреть, – сказала женщина.

– Дай ей, – шепнул я, толкнув брата локтем в бок. – Вряд ли случится что-то страшное.

Макс нехотя подчинился. Женщина аккуратно взяла крючок двумя пальцами, поднесла к собственному лицу и вдруг, без предупреждения, всадила острый кончик в монетку, заменяющую ей левый глаз. Тут только я заметил, что в обеих монетках были крохотные дырочки, будто для этого и предназначенные.

Бабушка и дедушка одновременно выдохнули.

– Ты говорила, что страшного не случится, – сказал Макс. – Но это самое страшное, что я пока видел в жизни.

Хотя он не выглядел напуганным, но я на всякий случай приобнял брата за плечи.

– Прости, малыш, – произнесла женщина. – Дайте-ка

мне минутку... чуть больше... знаете, этому рыболовному крючку много-много лет. Я чувствую запах, исходивший от рук, которые его изготовили. Смола. Огонь. Металл. М-м-м. Мелкий крючок, ни одна золотая рыба не сможет на него попасться. Он семьдесят два раза погружался в воды рек и каналов Петербурга и тридцать семь раз находил жертву. Талисман.

Женщина водила головой справа налево и, казалось, разговаривала сама с собой. Голос её сделался глухим и едва слышным. Мы не перебивали. Бабушка с дедушкой тоже. Звон монеток разносился по волнам реки.

– Рыбак долго готовился, – продолжила женщина. – Вынюхивал. Рисовал карту с маршрутом. Но потерял. Глупец. Рассеянный. Выпил кружку облепихового чая, съел кусочек лимонного пирога, забыл на столике клочок бумаги, а когда вернулся в кафе, что на Ваське, карты уже не было. Кто-то её забрал. Кто-то знал, что нужно забирать и в какое время. Теперь Рыбак ищет карту. И рыбу. Сезон открыт.

Женщина повернула голову в сторону дедушки.

– Ты стащил карту, верно?

– Не стащил, а взял, чтобы она не попала в руки случайным там людям, – сконфуженно пробормотал дедушка. – Нечего было забывать. И потом, все мы знаем, что будет, если Рыбак поймает рыбу. А нам карта нужна. У нас форс-мажор, между прочим.

– Что? – спросил я.

– Ничего хорошего, – ответила бабушка. – Когда кто-то насаживает другого на крючок, жди беды.

– Кстати, верните, – попросил Макс, насторожённо разглядывающий женщину.

Женщина вытащила крючок из монетки-глаза и протянула Макс. Сказала:

– Нас забыли представить, простите, малыши. Я Дана, чинительница рек и каналов Петербурга. Каждый, кто касается воды в этом городе, имеет дело со мной. Как видите, собираю монетки, которые бросают с мостовых. По совместительству наблюдаю за жизнью рек и каналов, завожу людей туда, куда бы они хотели попасть – если правильно попросят, конечно! – и открываю тайные тропы. Иногда настоящий путь ведёт только по воде.

– Всё ещё ничего не понятно, простите, – сказал я. – Ни разу не слышал слово «чинительница». Какое-то оно ненастоящее.

– Что в нём ненастоящего? От глагола «чинить». Всё вам надо разжёвывать, дети, – вмешался дедушка. – Давайте расскажу.

...Как вы поняли, мы уже не в том Петербурге, где живёте вы и ваши родители. Это другой Петербург. У любого города есть изнанка. Когда строят город, появляется его обратная сторона, с грубыми швами, следами от строительных работ, потёртостями, заплатками и так далее. Ну, знаете, как если

сшить рубашку и вывернуть её. Не очень приглядное зрелище, да? Но на изнанке держится всё. Распусти шов – рубашка развалится. Вот тут на Изнанке и обитают другие люди. Это своего рода обслуживающий персонал, поддерживающий порядок в городе, залатывающий дыры, чинящий разные вещи, о которых люди даже не задумываются. Реки и каналы как будто существуют сами по себе, но куда деваются монетки, которые бросают в воду туристы? Или почему Нева редко выходит из берегов? Или как так получается, что одни каналы осушили и закопали, а другие до сих пор существуют? За это отвечает Дана. Важная шишка, дети. Имена есть только у чинителей высшего порядка. Проявите уважение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.